

меняется крайне медленно, несмотря на широко известные достижения в самых современных областях науки и технологий.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Глушкова И. П. Мир вокруг себя и мир вокруг Бога (на примере традиции варкари) // Ценностные ориентиры индийского общества: Сб. статей. М.: Наука, 2003.
2. Ekanāthī-bhāruḍe as performance genre. In: Lutze, Lothar (ed.), South Asian Digest of Regional Writing, vol. 10, Stuttgart [Franz Steiner]. 1984.
3. राजमल बोरा. भारतीय भक्तिसाहित्य.– नयी दिल्ली: वाणीप्रकाशन, 1994.

ОТ БОГАТСТВА – К КРАСОТЕ: ОБРАЗ ЛЯГУШКИ В КИТАЙСКОЙ И ЯПОНСКОЙ ТРАДИЦИЯХ

A. P. Sadokova

*Институт стран Азии и Африки МГУ им. М. В. Ломоносова
Ул. Моховая, 11, стр.1, 125009, Москва, Россия, sadokova@list.ru*

Статья посвящена проблеме заимствования японской традицией китайского символа богатства и процветания – лягушки. Указывается, что изначально у японцев существовал свой культ лягушки как бога воды, выполняющего охранительные функции, но при соединении с китайской интерпретацией родился новый символ красоты и богатства. Ставится цель определить сферу бытования этого символа в Японии, выявить разницу в восприятии образа в народной среде и в литературной поэзии. Впервые проведенный анализ дает возможность сопоставить китайское и японское народное восприятие образа. Исследование подобного рода заимствований дает основание для широкого понимания процессов регионального культурного взаимодействия и глубины национальной культурной адаптации.

Ключевые слова: лягушка как символ; древняя поэзия; культурная адаптация; трансформация образа.

FROM WEALTH TO BEAUTY: FROGS IN CHINESE AND JAPANESE TRADITIONS

A. R. Sadokova

*Institute of Asian and African Studies of the Lomonosov Moscow State University
Mokhovaya Avenue, 11, 125009, Moscow, Russian Federation, sadokova@list.ru*

This article is dedicated to how a traditional Chinese symbol of wealth and prosperity has been borrowed and adapted into Japanese tradition. Some point out that the frog already had an established role in Japan as a water god, a guardian. When this traditional image came to merge with the symbolism that the Chinese had placed on the frog, a new

symbol was born, one of wealth and beauty. The goal here is to delimit the cultural space that this symbol inhabits in Japan, to identify the variations with which this imagery is popularly perceived and represented in poetic literature. This is the first study to offer a comparison of the Chinese and Japanese cultural images of the frog at the popular or folk level. Research of cultural borrowings such as this lays a foundation upon which a broader understanding of the processes of regional cultural interaction and national cultural adaptation as a deeply engrained cultural phenomenon can be built.

Keywords: frog as a symbol; ancient poetry; cultural adaptation; image transformation.

Исторически сложившиеся в Китае символы богатства и благополучия, получили распространение во всех странах дальневосточного региона, но часто были переосмыслены и адаптированы в русле национальных традиций, а также нередко наполнялись новым звучанием. Последнее в большой степени относится к Японии, где процесс адаптации любых заимствований всегда проходил активно. Иногда в процессе адаптации заимствованное явление далеко уходило от своей «первоосновы», и хотя сохраняло многие связующие нити, превращалось в достаточно самостоятельно и самобытное явление. Лягушка как символ счастья относится как раз к явлениям такого рода.

Не будет ошибкой сказать, что при упоминании лягушки в связи с культурой Дальнего Востока, у большинства людей рождается образ китайской лягушки/жабы с монеткой во рту. Эти традиционные символы богатства в виде небольших статуэток сегодня в большом количестве привозят из Поднебесной.

Лягушка/жаба – старинный символ, восходящий к древней китайской мифологии, образ сложный и имеющий множество истоков. Образ лягушки/жабы с монеткой восходит к представлениям китайцев о Боге монет Лю Хае, который входит в свиту Бога богатства Цай-шэня [1, с. 613–614]. Согласно одной из легенд, Лю Хай, привязав к длинному поясу золотую монету, удил в колодце жабу. Жаба закусила монету, и тогда он смог вытащить ее. Именно поэтому этого бога часто изображают с трехпалой жабой – символом получения и накопления денег. К тому же, как отмечал Б.Л. Рифтин, слово «деньги» звучат как «цян» (в диалектах «чянь»), то есть почти как слово «жаба» – «чжань» или «чань» [1, с. 614].

Умение «схватить» монетку и сегодня приписывается лягушкам/жабам в Китае. Поэтому при входе в магазин можно нередко встретить ее фигурку: утром лягушку принято выставлять так, чтобы она смотрела наружу – так лягушка будет приманивать монетки и прибыль, а вечером лягушку надо поставить так, чтобы она смотрела внутрь дома – так она удержит в доме все, что было заработано за день.

Другое упоминание жабы в мифологии китайцев связано с Луной. Напомним, что, по представлениям древних китайцев, Луна обитаема: там живет белый заяц, который толчет в ступе порошок бессмертия, несчастный дровосек по имени У Ган, который за проступки был сослан на Луну, где постоянно рубит коричное дерево, а оно вновь и вновь вырастает, и трехпалая жаба. История этой жабы печальна и поучительна. Когда-то она была красавицей Чан-э и ее мужу – стрелку по имени И достался эликсир бессмертия. Если бы супруги выпили его вместе, то стали бы бессмертными на земле, но красавица решила выпить его одна, чтобы стать богиней и вознестись на Небо.

Однако судьба сыграла с ней злую шутку. Выпив эликсир, Чан-э поднялась в Небо и направилась к Луне, но по дороге превратилась в жабу: «Спина ее уменьшилась в размерах, живот и поясница начали разбухать, рот у нее расширился, глаза увеличились, шея и плечи сблизилась, и на коже появились **большие, как монета** (выделено нами – А.С.) бородавки...». Так сбылось пророчество колдуньи, которая предсказала красавице большую удачу: «Тебе выпало предопределение и тебя ждет великое процветание» [2, с. 199]. Конечно, то, что произошло с Чан-э, трудно обозначить этими словами. Вероятно, под процветанием колдунья имела в виду бессмертие, но связь этой истории с благополучием и счастьем установилась прочная.

Помимо мифологических представлений о лягушке/жабе как о символе богатства и достатка, в Китае широкое распространение имели и народные интерпретации этого образа. Прежде всего, речь шла о связи лягушки с культами плодородия, поскольку лягушка или жаба всегда почитались как предвестники дождей, о чем свидетельствуют их изображения на южно-китайских бронзовых барабанах, используемых в обрядах вызывания дождя. Известно и о ритуальной связи лягушки с огнем и домашним очагом.

Образ лягушки как символ плодородия оказался близким и японцам. Однако понимание этого образа первоначально было несколько иным. Лягушка, наряду со змеей, воспринималась как одна из ипостасей Бога воды или Бога рисового поля, культ которых имеет особое значение в период весенних работ. До сих пор в апреле практически повсеместно проводят архаичный обряд встречи просыпающихся после зимней спячки насекомых, змей и лягушек, которые обожествляются. Этот обряд предполагает торжественную «встречу» насекомых в начале апреля, а змей и лягушек – в конце апреля. Для обряда готовят специальное угощение – жареный соевый творог *тофу* и выкладывают его в места предполагаемого пробуждения [3, с. 461].

Интересной формой материализации Бога воды в Японии были камни, по форме напоминающие лягушку, или каменные изваяния лягушек. При этом увидеть в форме камня реальные очертания лягушки удавалось далеко не всем, но это нисколько не уменьшало божественной силы таких камней. Этим камням и каменным изваяниям приписывались самые разные способности. Так, например, в одном из самых живописных уголков Японии – в заливе Тоба, где стоят в море чудесные камни-супруги – храм и символ счастливой семейной жизни – можно увидеть огромное количество каменных лягушек. Это лягушки, которых следует просить о добрых переменах в личной жизни. Но есть среди них и такие, которых, прежде чем попросить о помощи, надо облить водой – благо сидят эти каменные исполнительницы заветных желаний по краям небольшого колодца-водоема, а служители храма уже давно приготовили ковшики на длинных ручках, чтобы было удобнее обращаться к лягушкам. Такой способ обращения, безусловно, сохранил древние представления о лягушке как о Боге-подателе влаги, Боге воды.

А вот в городе Одавара, который в XVI в. был главным замковым городом всего района Канто, а сегодня является важным прибрежным центром префектуры Канагава, сохранилось древнее предание о камне-лягушке. В японской истории замок Одавара прославился великим сопротивлением феодального клана Ходзэ, пять поколений которого правили Одаварой, войскам великого полководца Тоётоми Хидэёси (1536–1598), стремящегося объединить страну под своей властью. Осада замка длилась более трех месяцев, пока, наконец, Одавара не пала. Как гласит древнее предание, тогда на территории замка находился камень, по форме напоминающий лягушку. Его почитали как Каэругами (Бог-лягушка) и считали олицетворением Бога воды. В Одаваре рассказывают, что накануне сдачи замка камень стал издавать жалобные звуки, как бы предрекая скорую гибель защитников Одавары и прощаясь с ними. Согласно местным преданиям, за последние четыреста лет камень несколько раз «сообщал» одаварцам о приближающихся несчастьях [З, с. 297]. Он сохранился до сих пор, но сегодня не находится на территории некогда разрушенного, а затем частично восстановленного замка Одавары. Камень вынесен в один из тихих районов и почитается, как и прежде, защитником города.

В истории камня-лягушки из города Одавары интересным представляется тот факт, что камень издавал жалобные звуки. Дело в том, что в Японии истари особое значение придавалось голосу лягушки. Вряд ли ее «пение» большинство людей могло бы определить иначе, чем «кваканье», но японцы слышали в нем совсем иные звуки. Интересно, что, как считали японцы, голосу лягушки соответствовал

традиционный инструмент *сасара*, выполненный из бамбука. Он представляет собой большое количество тонких дощечек, стянутых вместе, и является своего рода трещоткой. Инструмент традиционно использовался в обрядах посадки риса *тауэ*, в полевых игрищах-представлениях *дэнгаку*, то есть исторически был связан с обрядами плодородия и произрастания злаков. Более того, во время этих обрядов он использовался специально для того, чтобы «передать» голос Бога воды, указывая на незримое присутствие божества среди участников обряда, а, значит, обладал счастливой символикой. То есть связь лягушки и Бога воды, которые обладали «одним» голосом, была очевидна.

Здесь уместно вспомнить, что и в японской поэзии, сохранившей древние аграрные представления японцев, особое значение предавалось «голосу» лягушки. Хотя в опозитизированном виде он не напоминал звук трещотки, но то, что при характеристике лягушки главным становится ее «пение», заслуживает внимания. Так, например, в японскую поэтическую антологию «Манъёсю» (VIII в.) было включено двадцать песен о лягушке [4]. Все эти песни можно отнести к пейзажным зарисовкам, воспевающим не просто красоту родной природы, а олицетворяющим собой покинутые родные места. Это песни, в которых звучит печаль по горам и звенящим ручьям, по рекам с прозрачной водой. И в этих песнях непременно присутствует образ лягушки как символ красоты и чистоты: ее пение так созвучно звукам бьющего чистого ручья, а красота долин и гор невозможно себе представить без пения лягушки.

Таким образом, очевидно, что в японской традиции китайские представления о лягушке как о символе богатства «наложились» на существовавшее исконно ее восприятие как подателя влаги и защитницы урожая. Свойственное японской традиции стремление ассоциировать многие явления природы со звуками привело к поэтизации голоса лягушки: сначала на обрядовом уровне, а потом – непосредственно в поэтической традиции.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Рифтин Б. Л. Лю Хай // МНМ. В 2-х тт. / под ред. С. А. Токарева. М.: Советская энциклопедия, 1987.

2. Юань Кэ. Мифы древнего Китая / пер. Е.И. Лубо-Лесниченко, Е.В. Пузицкого; пер. коммент. Е.И. Лубо-Лесниченко, В.Ф. Сорокина; под ред. и с послесловием Б.Л. Рифтина. М.: Наука, 1965.

3. Кавагути Кэндзи. Нихон-но камисама дзитэн. Ёми токи [Энциклопедия японских синтоистских божеств. Чтение, толкование]. – Токио: Касивасёбо, 2001.

4. Манъёсю («Собрание мириад листов») / пер. с яп., предисл., коммент. А.Е. Глускиной. Т.1–3. – М.: Наука. ГРВЛ, 1971.